

ВВЕДЕНИЕ

Сначала я никак не мог понять, что это такое - влезть В кожу других людей, которые кажутся такими непохожими на меня. Я не сознавал проецирования, и из всего этого ничего не вышло.

...Меня стукнуло между глаз, когда я был на собрании комитета, отбравшего кандидатов в клуб, к которому я принадлежу. Когда кого-то называли и кто-то хотел дать ему отвод, он должен был приводить основание. То, что человек говорил о кандидате, объясняя, почему он не хочет видеть его в клубе, было перечислением его собственных недостатков!

Перлз Ф. Внутри и вне помойного ведра. С-Пб., 1995. С.448

Устойчивый интерес психологов к проективной диагностике сохраняется уже более полувека. Различные проективные методики широко используются в практике исследования личности во всех областях современной психологии. С их помощью не только получают какие-либо знания о личности. Нередко они служат рабочим инструментом для проверки тех или иных теоретических положений. О том месте, которое проективные методики занимают в современной психодиагностике, свидетельствуют регулярно проводимые в течение многих лет международные конгрессы, созданные во многих странах специальные научные институты и общества, публикуемые на разных языках периодические издания. На формирование проективного похода к диагностике личности оказали (и оказывают) влияние разные, порой противостоящие друг другу психологические теории. Каждая из них в той или иной мере наложила свой отпечаток на понимание сущности проективного процесса, осмысление, интерпретацию диагностических данных. В итоге фактически образовалась особая область психологических исследований, которая выходит за рамки психодиагностики и имеет общепсихологическое значение. Анализу проективного подхода к диагностике личности, тем проблемам, которые возникают на пути его практической реализации, посвящена эта книга, в завершении которой читатель найдет небольшой справочник, содержащий сведения о многих проективных методиках.

1. Предыстория проективной диагностики

Исследователи, обращавшиеся к проективной технике, единодушны в том, что в ее основе лежит извечно присущее человеку стремление истолковывать явления и предметы окружающей действительности во взаимосвязи с его желаниями, потребностями, чувствами, всем тем, что составляет интимный мир личности, иногда на психологическом жаргоне называемый "внутренними условиями". С давних пор, вглядываясь в плывущие по небу облака, наблюдая игру света и тени на поверхности моря, люди "видели" разных животных, русалок, пытались угадать свое будущее, рассматривая причудливые конфигурации, образованные при попадании расплавленного воска или свинца в холодную воду. Давно было известно и то, что личность писателя, художника всегда в той или иной степени присутствует в его произведениях. Тем не менее, должны были пройти столетия, прежде чем всем известные наблюдения были использованы для исследования личности.

Истоки проективной техники следует искать в исследованиях Ф.Гальтона, изучавшего ассоциативный процесс. Позднее К.Г.Юнг, также обратившийся к ассоциациям, создает тест, позволяющий актуализировать переживания - комплексы личности. В конце XIX - начале XX вв., стремясь исследовать воображение, Ф.Е.Рыбаков в России, А.Бине во Франции, а также и другие психологи экспериментировали с аморфными цветными и монохромными чернильными пятнами, которые, как и облака, напоминали людей, животных, разные события жизни. В этом же ряду стоят и работы, в которых фантазия стимулировалась специально подобранными сюжетными картинками.

Психологам и психиатрам было хорошо известно, что рассказы их подопечных по "пятнам", сюжетным картинкам дают возможность судить о потребностях, интересах личности, их патологии.

Все эти исследования следует считать предысторией проективной техники, хотя иногда и можно прочесть о том, что первый проективный тест был разработан уже К.Г.Юнгом. Первая проективная методика, то есть та, которая основывалась на соответствующей теоретической концепции -психологической концепции проекции, появилась в 1938 г. и принадлежит американскому психологу Г.Мюррею, автору знаменитого теста тематической апперцепции (ТАТ). Ранее появившиеся методики, а к ним относится и опубликованный в

-5-

1922 г. самый известный в мире тест Роршаха, были осмыслены с позиций проективного подхода, сформировавшегося позднее.

2. Проекция: от феномена к принципу исследования

Судьба понятия "проекция" представляет немалый интерес и поучительна в том смысле, что в разных трактовках этого понятия отразилась свойственная психологии неоднозначность понимания даже ее важнейших категорий и понятий. На примере проекции также можно проследить еще одно явление, заключающееся в том, что наличие в науке идеологических запретов резко сужает поле сознания исследователя, чем достигается жесткая однозначность понимания того, что изучается. В этом разделе будет прослежена эволюция понятия проекции, становление проективного подхода к диагностике личности. Особое внимание уделяется вопросу о роли стимула в проективных методиках.

2.1. Проекция как психологический феномен

Понятие проекции (от лат. projectio - выбрасывание) как психологическое понятие появляется впервые в психоанализе и принадлежит З.Фрейду (1894). Он полагал, что тревожные неврозы возникают в том случае, когда психика не может овладеть эндогенно развившимся сексуальным возбуждением, и в этом случае происходит проекция этого возбуждения во внешний мир.

Интерпретация этого понятия в психоанализе прочно связала его с защитными механизмами "Я". Проекция (наряду с вытеснением, рационализацией, сублимацией и др.) рассматривалась в качестве одного из защитных механизмов. Процесс конфликта, в соответствии с З.Фрейдом, изживается благодаря особому психическому механизму - проекции. Основоположник психоанализа в своей работе "Тотем и табу" пишет о том, что "враждебность, о которой ничего не знаешь и также впредь не хочешь знать (выделено мною - Л.Б.), переносится из внутреннего восприятия во внешний мир и при этом отнимается от самого себя и приписывается другим.

Точности ради отметим, что в работах З.Фрейда есть упоминание и о том, что проекция возникает не только в случае конфликта между "Я" и бессознательным, но также "принимает самое большое участие в образовании внешнего мира". Однако это расширительное толкование проекции не было воспринято психоанализом. Понимание проекции в качестве

защитного механизма было названо "классической проекцией".

Существование проекции в ее классическом понимании по день нынешний вызывает дискуссии и не может считаться окончательно доказанным. Посмотрим на одно из достаточно типичных исследований, посвященных классической проекции. В этой работе Дж.Халперн оценивал испытуемых по специально созданной шкале, определяющей "защищенность" от полового возбуждения. Затем была предложена серия фотографий лиц, из которых нужно было отобрать "самого неприятного". На следующем

этапе обследуемым были предложены откровенные изображения сексуальных сцен. После этого все испытуемые описывали себя и избранного "неприятного субъекта" по стандартному перечню черт личности. Результаты показали, что обследуемые, которым была присуща сильно развитая защищаемость от полового возбуждения, отрицали его возникновение при просмотре изображений и проецировали это возбуждение на неприятного им человека. Эффект значительно усиливался, когда в качестве такого человека выступал мужчина. Казалось бы, имеются основания говорить о защитной функции проекции, но пока воздержимся от окончательного вывода. Мы еще вернемся к этому исследованию, рассматривая проекцию не только в качестве защитного механизма, а значительно шире, понимая ее как неотъемлемое свойство психической активности человека.

"Проекция не создана для отражения душевных переживаний, она имеет место и там, где нет конфликтов",- пишет З.Фрейд. Проекция, не привязанная намертво к сфере бессознательного, вечно конфликтующего с сознанием, а понятая как человеческая особенность, без которой нет собственного видения предметов и явлений окружающей действительности, была названа "атрибутивной проекцией". Прав Т. Шибутани, писавший о том, что люди воспринимаются как живые лишь тогда, когда на них проецируются вполне определенные, хорошо осознанные переживания и способности.

Классическую и атрибутивную проекцию, по мнению разных авторов, можно различать по "мишеням", избираемым для проекции. Предполагается, что классическая проекция направлена на отрицательно оцениваемых лиц, а когда индивид осознает у себя наличие негативных черт, он наделяет ими лиц, к которым у него положительное отношение.

Такое понимание проекции - наделение собственными мотивами, потребностями, чувствами других людей, а соответственно и понимание их поступков - основывается как на многовековых донаучных наблюдениях, так и на экспериментальных исследованиях, а поэтому не случайно некоторыми психологами полагается в качестве единственно обоснованного.

-7-

Помимо двух важнейших видов проекции, рассмотренных выше, в ряде работ выделяются и другие. "Артистической проекцией" было названо явление, в основе которого лежит детерминированность восприятия актуальными потребностями человека. Этот феномен был обнаружен в ходе демонстрации обследуемым на экране расфокусированных изображений разных объектов. Оказалось, что изображения пищи ранее распознаются голодными, чем сытыми, это и было названо "аутизмом". Дальнейшие исследования позволили установить, что происходит не только снижение порога узнавания, но и проецирование потребностей.

Если в случае классической проекции речь идет о приписывании неосознаваемых черт и особенностей, тех, которые вытеснены, то в близкой ей рационализированной проекции субъект осведомлен относительно нежелательных (неодобряемых) собственных черт личности или поведения, но всегда находит оправдание. Подтверждением существования рационализированной проекции может быть исследование, в котором студенты описывали присущие им черты личности. Эти же черты личности студентов были оценены экспертами. Обнаружилась достаточно тесная связь ($r=0,62$) между самоописанием и объективной оценкой некоторых отрицательных черт, например, недисциплинированности. Студенты, отдавая себе отчет в собственном поведении, прибегали к рационализации, полагая, что "все так делают".

Д.Холмс, подводя итоги многочисленным исследованиям, предлагает выделить два "измерения" проекции. Первое - что проецируется (наличие-отсутствие проецируемой черты), второе - осознание проецируемого. Комбинируя эти измерения, можно классифицировать известные виды проекции (см. табл. 1).

Таблица 1. Виды проекции и их классификация по двум измерениям

Осознание субъектом проецируемой черты	Наличие у субъекта проецируемой черты	Отсутствии у субъекта проецируемой черты
Субъект не осознает собственную черту	Симбиотическая проекция	Проекция Панглосса или Кассандры
Субъект осознает собственную черту	Атрибутивная проекция	Комплементарная проекция

Симбиотическая проекция, в соответствии с психоаналитической концепцией, выполняет защитную функцию, но, по Д.Холмсу, строгого экспериментального подтверждения не получила (действительно, очень трудно доказать, что обследуемый не имеет представления об определенных, ему присущих чертах личности). Проекция, названная в честь Пан-глосса и Кассандры, может рассматриваться как вариант защитного механизма "реактивное образование". (Это результат работы одного из защитных механизмов, который приводит к возникновению способа поведения, противоположного вытесненному стремлению. Например, преувеличенная забота о ребенке, которого мать ненавидела или ненавидит.)

Комплементарная проекция предполагает проекцию черт, дополнительных к тем, которыми субъект обладает в действительности. Например, порой, испытывая страх, мы склонны едва ли не каждого человека воспринимать как нам угрожающего. В этом случае приписываемая другим черта, скажем, агрессивность, позволяет объяснить собственное состояние. Еще раз подчеркнем, что экспериментальное подтверждение находит прежде всего атрибутивная проекция - приписывание имеющейся у субъекта и осознаваемой им черты.

Как видно, теория проекции как теория психологическая имеет собственный путь развития, независимый от тех психодиагностических методик, которые были названы проективными. Но, вполне естественно, обозначение определенных методик (уже существующих) как проективных заставляет исследователей примерять к ним имеющиеся концепции проекции, выяснить их объяснительный потенциал применительно к задачам диагностики личности. Анализу этих исследований будут посвящены отдельные разделы этой книги, а пока назрела необходимость познакомиться с тем, как вошел в жизнь термин "проективная техника" и что же представляют собой наиболее типичные проективные методики.

2.2. Проективная гипотеза и проективные методики, их виды

Первое описание процесса проекции в ситуации со стимулами, допускающими их различную интерпретацию, принадлежит известному американскому психологу Г.Мюррею (1938). Он рассматривает проекцию как естественную тенденцию людей действовать под влиянием своих потребностей, интересов, всей психической организации. По сути, это первое приложение понятия проекции к психологическому исследованию. При этом Г.Мюррей, хорошо знакомый с психоаналитическими работами, считал, что защитные механизмы в процессе проекции могут проявляться, а могут и не проявляться. До этого времени теоретическая концепция проекции в том виде, в котором она применима к исследованию личности, не формулировалась.

Для обозначения определенного типа психологических методик понятие проекции впервые используется Л.Франком в 1939 г. (Мы будем ссылаться на более полное исследование этого автора, опубликованное в 1948 г.) Им выдвигаются три основных принципа, лежащих в основе проективного исследования личности:

1. Направлено на уникальное в структуре или организации личности. В отличие от традиционных психометрических процедур личность рассматривается как система взаимосвязанных процессов, а не перечень (набор) способностей или черт,

2. Личность в проективном подходе изучается как относительно устойчивая система динамических процессов, организованных на основе потребностей, эмоций и индивидуального опыта.

3. Эта система основных динамических процессов постоянно, активно действует на протяжении жизни индивида, "формируя, направляя, искажая, изменяя и переиначивая каждую ситуацию в систему (configuration) внутреннего мира индивида". Каждое новое действие, каждое эмоциональное проявление индивида, его восприятия, чувства, высказывания, двигательные акты несут на себе отпечаток личности. Это третье и основное теоретическое положение обычно называют "проективной гипотезой".

Определяя специфику проективного подхода, Л.Франк пишет о том, что это прием исследования личности, с помощью которого испытуемого помещают в ситуацию, реакцию на которую он осуществляет в зависимости от значения для него этой ситуации, его мыслей и чувств. Также подчеркивается то, что стимулы, используемые в проективных методиках, не являются строго однозначными, а допускают различную интерпретацию. Стимул приобретает смысл не просто в силу его объективного содержания, а прежде всего в связи с личностным значением, придаваемым ему испытуемым.

Л.Франк не рассматривает проективные методики как замену уже известным психометрическим. Назначение этих методик - исследование "идиоматичной" внутренней сферы, которая может быть рассмотрена как способ организации жизненного опыта. Проективные методики удачно дополняют существующие, позволяя заглянуть в то, что наиболее глубоко скрыто, ускользает при использовании традиционных приемов исследования.

Общими для всех проективных методик являются следующие признаки:

1. Неопределенность, неоднозначность используемых стимулов.

2. Отсутствие ограничений в выборе ответа.

3. Отсутствие оценки ответов испытуемых как "правильных" и "ошибочных".

Л.Франк первым разработал классификацию проективных методик. Эта классификация, несмотря на обилие других, с предложенными позднее изменениями и дополнениями является сегодня наиболее полно характеризующей проективную технику. Познакомимся ближе с классификацией проективных методик.

1. Конститутивные. Испытуемому предлагается какой-либо аморфный материал, которому он должен придать смысл. Примером может служить методика Роршаха, состоящая из 10 таблиц, на которых изображены симметричные одноцветные и полихромные изображения -пятна, которые легко получить, нанеся на лист бумаги немного чернил или краску, а затем перегнув этот лист пополам (образцы стимульного материала проективных методик см. в заключительном разделе). Обследуемому задается только один вопрос: "Что это может быть, на что это похоже?" Полагается, что в процессе интерпретации изображений, придания им смысла испытуемый проецирует свои внутренние установки, стремления и ожидания на тестовый материал. Разработаны детальные, порой занимающие несколько томов, схемы интерпретации ответов испытуемого (подробнее см.: Бурлачук Л.Ф. Исследование личности в клинической психологии.-К.: Вища школа, 1979).

2.Конструктивные. Предлагаются оформленные детали (фигурки людей и животных, модели их жилищ и пр.), из которых нужно создать осмысленное целое и объяснить его.

"Тест мира", напр., состоит из 232 моделей объектов, распределенных в разных пропорциях по 15 категориям (дома, деревья, самолеты, люди, животные и т.д.). Испытуемые конструируют "малый мир", а по множеству его особенностей, учитываемых исследователями, делаются заключения о личности "конструктора".

3.Интерпретативные. Необходимо истолковать, интерпретировать какое-либо событие, ситуацию. Тест тематической апперцепции является хорошей иллюстрацией этого вида методик. Испытуемому предлагаются таблицы-картины, на которых изображены относительно неопределенные ситуации, допускающие неоднозначную

-11-

интерпретацию. В ходе обследования испытуемым составляется небольшой рассказ, в котором необходимо указать, что привело к изображенной ситуации, что происходит в настоящее время, о чем думают, что чувствуют действующие лица, чем эта ситуация завершится. Предполагается, что испытуемый идентифицирует себя с "героем" рассказа, что дает возможность раскрытия внутреннего мира обследуемого, его чувств, интересов и побуждений.

Катаргические. Предлагается осуществление игровой деятельности в особо организованных условиях. Например, психодрама, осуществляемая в виде импровизированного театрального представления, позволяет субъекту не только аффективно отреагировать (игровой катарсис) - а тем самым добиваются терапевтического эффекта,- но и дает исследователю возможность обнаружить выносимые во вне конфликты, проблемы, другую личностно насыщенную продукцию.

Рефрактивные. Личностные особенности, скрытые мотивы исследователь стремится диагностировать по тем произвольным изменениям, которые вносятся в общепринятые средства коммуникации, например, речь, почерк.

Экспрессивные . Осуществление испытуемым изобразительной деятельности, рисунок на свободную или заданную тему, например, методика "Дом-дерево-человек". Предлагается нарисовать дом, дерево и человека. По рисунку делают выводы об аффективной сфере личности, уровне психосексуального развития и других особенностях.

Импрессивные. Эти методики основываются на изучении результатов выбора стимулов из ряда предложенных. Испытуемый выбирает наиболее желательные, предпочитаемые им стимулы. Например, тест Люшера, состоящий из 8 цветных квадратов (неполный набор). Предъявляются все квадраты с просьбой выбрать наиболее приятный. Процедура повторяется, и в итоге образуется ряд, в котором цвета располагаются по их привлекательности. Психологическая интерпретация исходит из символического значения цвета. В качестве стимулов могут выступать фактически любые объекты живой и неживой природы.

8.Аддитивные. В этих методиках от обследуемого требуется завершение имеющего начало предложения, рассказа или истории. Например, предлагается серия незаконченных предложений типа: "Будущее кажется мне...", "Думаю, что настоящий друг..." и т.п. Эти методики предназначены для диагностики разнообразных личностных переменных - от мотивов тех или иных поступков до отношения к половому воспитанию молодежи.

Завершая этот раздел, нужно сказать и о том, что использование понятия проекции для обозначения обсуждаемых методик у некоторых известных психологов вызывает возражения. Например, Р.Кэттелл предпочитает называть их "тестами ошибочного восприятия". Л.Беллак пишет об "апперцептивном искажении". Однако попытки заменить название этой группы методик не увенчались успехом, и большинство исследователей

принимает их исторически сложившееся обозначение как проективных.

2.3. Роль стимула в проективных методиках

Мы уже знаем, что основной особенностью, спецификой проективных методик является неоднозначность, неопределенность (слабоструктурированность) используемых стимулов. Эта особенность стимула считается необходимым условием для реализации процесса проекции. Признавая важность степени структурированности стимульного материала, нужно остановиться и на дискуссионных вопросах, возникающих в связи с изучением роли стимула в проективных методиках.

Из классических психологических исследований хорошо известно, что восприятие не может быть исключительно связано со стимулом. В разработке и использовании проективных методов, особенно на ранних этапах, полагалось, что неструктурированные стимулы способствуют в наибольшей степени проявлению индивидуального в восприятии. Из этого делался вывод о том, что чем менее структурирован стимул, тем ярче в процессе его интерпретации проявляется личность. С таким пониманием проективного процесса возможно встретиться и сегодня. Однако нельзя признать состоятельной попытку "подключить" личность в качестве единственного фактора в проективных методиках. Исследования показывают, что результаты, получаемые с помощью проективных методик, зависимы от используемой стимуляции. Известно немало работ, показывающих, что наиболее часто встречающиеся ответы на роршаховские таблицы, а также сходные темы в рассказах по картинкам ТАТ обусловлены прежде всего особенностями стимуляции и не имеют личностного значения. В связи с этим

-13-

интересны и показательны результаты изучения сопутствующего значения стимулов методики Роршаха с помощью семантического дифференциала. Оказывается, что каждая таблица-стимул обладает особым значением.

Табл. I - уродливый, грязный, жестокий, огромный, сильный, грубый, активный, гневный.

Табл. II - счастливый, сильный, активный, быстрый.

Табл. III - хороший, чистый, счастливый, легкий, активный, быстрый.

Табл. IV - плохой, грязный, жестокий, сильный, тяжелый, медленный, очень жестокий, мужского типа.

Табл. V - легкий, активный.

Табл. VI - большой по размеру.

Табл. VII - хороший, красивый, чистый, счастливый, легкий, хрупкий, нежный, миролюбивый, женственный.

Табл. VIII - чистый, активный.

Табл. IX - сильный, активный, горячий.

Табл. X - хороший, красивый, чистый, счастливый, легкий, активный, быстрый.

Таким образом, отдельные стимулы вызывают у испытуемых специфические сопутствующие реакции. Однако мы не можем сказать, какие именно свойства стимула обуславливают те или иные реакции испытуемых. Наконец исследования, связанные с модификацией стимула (напр., изменение цвета) и особенностями его предъявления (напр., тахистоскопическое предъявление), также говорят о том, что существует зависимость между ответами испытуемого и свойствами стимула, которую нельзя не учитывать.

Сразу скажем о том, что проблема взаимосвязи "стимул-интерпретация" еще далека от своего окончательного решения. Тем более важны любые данные, проясняющие эту взаимосвязь, обобщающие полученные в разных работах результаты. Такое обобщение реализовано в постулатах, сформулированных Д. Кэнни.

Первый постулат - обоснование положения о зависимости ответов испытуемого

от используемой модели стимула. В проективных методиках используются три модели стимулов. Первая основана на относительной частоте реакций испытуемого на стимул (напр., методика Роршаха, ТАТ). Вывод об определенных чертах личности делается, исходя из подсчета сходных ответов (напр., количество ответов, охватывающих весь стимул или связанных с интерпретацией его частей ей и т.п.) В основе второй - относительная частота специфичных ответов. Здесь исследователь выбирает стимулы для измерения четко определенной черты личности и, оценивая результаты, просто подсчитывает, сколько раз проявляется в ответах искомая характеристика (напр., картины типа ТАТ, стимулирующие у испытуемого высказывания, связанные с мотивом достижения успеха в жизни). Третья, сравнительно редко используемая модель построена на общей однородности стимулов со ступенчато изменяющейся структурой (повышение степени структурированности). Стимулы располагаются в порядке возрастания вероятности проявления в ответе определенной черты личности.

Проведенные исследования вроде бы свидетельствуют о том, что сходные ответы в проективных методиках отражают аналогичные черты испытуемых (по мере приближения к модели, основанной на общей однородности стимулов). Однако такое заключение, не подтверждаемое в других работах, не может быть окончательным.

Во **Втором постулате** идет речь о том, что для обоснованных сравнений между отдельными обследуемыми (или группами) необходимо исходить из постоянства функционального стимула для всех испытуемых. (То, что демонстрирует экспериментатор обследуемому, является стимулом номинальным, под функциональным стимулом понимаются те свойства номинального, которые используются для формирования ответа.) Во многих психологических экспериментах возможны серьезные расхождения между номинальным и функциональным стимулами. Прежде всего это касается исследований, проводимых в разных культурах. Нетрудно представить, что различия в результатах представителей разных культур могут быть связаны с особенностями собственно процесса восприятия, а не их личностными особенностями. Вероятно, нужна известная осторожность при сравнении данных в случаях, когда не доказана эквивалентность "систем декодирования" проективного стимула.

В **третьем постулате** речь идет о том, что проекция является функцией воспринимаемого сходства. Ряд экспериментов показывает, что если стимул (стимульные фигуры) воспринимается испытуемым как сходный с ним, то ему будет приписано собственное аффективное состояние (замещающая проекция). Когда сходство не обнаруживается, возникает дополнительная проекция. Имеются данные и о том, что слабоосознаваемое эмоциональное состояние приписывается испытуемыми тем фигурам-стимулам, с которыми усматривается сходство. Считается, что замещающая проекция имеет место в случае социально приемлемых и позитивных аффектов. Разумеется, речь идет об использовании достаточно структурированных стимулов, в противном случае не приходится говорить о восприятии испытуемым сходства со стимульной фигурой. Заметим, что далеко не все исследователи придают большое

-15-

значение фактору "отождествления". Эксперименты, проведенные в условиях, препятствующих отождествлению, также позволили получить диагностически ценный материал.

Четвертый постулат посвящен обоснованию того, что резко выделяющиеся (protrusive) особенности стимула приводят в ряде случаев к перцептивному дисфункционированию. Примером таких стимулов могут служить яркие краски, некоторые фигуры. Объяснение этому можно найти у Ж.Пиаже, считавшего, что на ранних этапах развития воспринимаемые человеком предметы и явления действительности не имеют для него символического значения, воспринимаются только цвет и форма. По мере развития интеллекта происходит освобождение от безраздельного

влияния внешних признаков, влияние стимула на познавательные процессы становится все менее существенным (способность к децентрации). Поэтому предполагается, что испытуемые с хорошо развитой способностью к децентрации могут включить необычные, резко выделяющиеся стимулы в свою развитую "декодирующую систему". Для лиц с менее развитой децентрирующей способностью попытка введения столь нестандартных стимулов в систему декодирования повышает уровень активации (arousal) до такой степени, что нарушается нормальное перцептивное функционирование.

Из сказанного следует, что при интерпретации результатов тех проективных методик, в которых используются необычные, выделяющиеся параметры стимулов, следует учитывать индивидуальные особенности децентрации обследуемых. Впрочем, пока получены только косвенные данные, подтверждающие справедливость этого постулата.

В **пятом постулате** формулируется предположение о наличии зависимости между диффузными, "светотеневыми" стимулами и состоянием беспокойства, тревоги у обследуемых. Имеются эмпирические данные, позволяющие говорить о том, что восприятие однородного, неструктурированного серого поля может вызвать состояние тревоги. Интересен семантический анализ подобных стимулов. Испытуемые зачастую характеризуют их как "неприятные", "туманные", "холодные", что может быть связано с состоянием беспокойства, тревоги. Однако справедливость данного постулата нуждается в более детальном экспериментальном обосновании.

Шестой постулат гласит о том, что если мы исключим влияние разного культурного уровня, то отклоняющиеся от "перцептивных требований" стимула т.н. "идиосинкратические" ответы испытуемых - показатели наиболее существенных личностных характеристик. Во многих проективных методиках используются показатели "отклонения". Так, в методике Роршаха достаточно надежным показателем отклонения ответа от "нормы" является такой параметр, как качество формы (F+). Это не означает, конечно, что исследования в этом направлении завершены. Очевидно, в проективных методиках важно использовать такие стимулы, реакции на которые предсказуемы. Если стимул вызывает множество различных толкований, то исследователь будет поставлен перед проблемой критерия "отклоняющегося", идиосинкратического ответа.

В **седьмом постулате** делается предположение о том, что при возрастании воспринимаемого испытуемым подобия между припоминаемыми ситуациями (или фигурами), насыщенными тревогой, беспокойством (high-anxiety-evoking situations), и их стимульной репрезентацией в проективном материале возрастает и степень тревожности.

Имеются экспериментальные подтверждения этого постулата, полученные на материале тестов, подобных тесту тематической апперцепции и ассоциации слов. Разумеется, что для обоснованных заключений по результатам проективных методик было бы весьма желательно, а иногда и необходимо учитывать ассоциативные характеристики стимулов, возможную связь этих стимулов (стимульных фигур) с событиями жизни испытуемых, в которых они переживали тревогу, беспокойство. Однако такой учет далеко не всегда возможен в практической работе психолога.

В **восьмом постулате** предполагается наличие определенной зависимости между побуждениями (drive) испытуемого и стимулами, содержание которых связано с этими побуждениями. При этом вводятся следующие основные предположения: а) стимулы проективной методики, содержащие элемент влечений, побуждений испытуемого, избирательно суживают количество возможных "декодирующих" реакций; б) по мере увеличения числа декодирующих реакций возрастает и уровень активации индивида; в) обследуемые стремятся поддерживать средний уровень активации, избегая крайностей, происходит как бы отфильтровывание тех стимулов, которые могут повысить или понизить уровень активации; г) если состояние тревоги, беспокойства не подавляет - полностью декодирующие реакции, связанные с побуждением, влечением, то уровень

тревоги вступит во взаимодействие с внутренними и внешними побуждениями, а следствием будет усиление побудительно-ориентированных программ мышления; д) побуждения, влечения способствуют возрастанию градиента стимульной генерализации, то есть испытуемые с сильно выраженными побуждениями легче "опознают" их в стимулах проективного метода, содержащих слабо выраженные элементы этого побуждения, чем те, у кого эти побуждения выражены незначительно. (Подробнее об этом см. в разделе, посвященном теоретическому обоснованию проективного подхода).

-17-

Наиболее важный методический вывод, сделанный автором постулатов из анализа исследований, осуществленных в этом направлении, - это то, что демонстрация испытуемому высокоструктурированных стимулов, насыщенных элементами того или иного побуждения, является наилучшим способом дифференциации лиц на тех, у кого это побуждение выражено сильно или слабо. Данное положение, разумеется, утрачивает свой смысл, если контингент обследуемых характеризуется примерно одинаковым культурным и образовательным уровнем, воспитанием в сходной социальной среде. В этом случае следует ожидать появления стереотипных реакций независимо от интенсивности побуждения. Как видно, не находит подтверждения известная гипотеза о том, что стимульный материал, в котором слабо представлены темы побуждений, является наилучшим для их проекции.

В последнем, *девятом постулате* предполагается, что уровень активации связан с неопределенностью стимула. На основании собственных исследований Д.Кэнни делает вывод о том, что неопределенность стимула положительно коррелирует с факторами "силы" и "активности" и отрицательно - с фактором "оценки" (уровень активации определялся с помощью факторов "силы" и "активности" семантического дифференциала). Получается, что неопределенность повышает активацию, высокий уровень которой нежелателен. Это заключение противопоставляется бытующему в литературе предположению о том, что неопределенные стимулы облегчают проявление скрытых слоев личности. Однако сам автор считает, что требуются дополнительные исследования для обоснования этого постулата.

Д.Кэнни подчеркивает, что предложенные постулаты носят ориентировочный характер и, возможно, некоторые из них не получают экспериментального подтверждения. Акцентируя, иногда, может быть, более, чем это необходимо, роль стимула в проективных методиках, автор старается привлечь внимание исследователей к тому, что зачастую игнорируется во многих работах. В этом мы видим его основную заслугу.

3. Теоретическое обоснование проективного подхода к диагностике личности

На ранних этапах развития проективного подхода возможности его обоснования искали в идеях психоанализа и гештальтпсихологии. В рамках классического психоанализа существенное влияние имела концепция З.Фрейда о "первичных" (воображение, сновидение, грезы) и "вторичных" (мышление, восприятие и др.) психических процессах, а также положения о катексисе и гиперкатексисе стимулов. Слабоструктурированные стимулы проективных методик считались ослабляющими или основательно нарушающими "вторичные" процессы, ориентированные на реальность и тормозящие развитие гиперкатексиса.

Экспериментальная проверка символической реализации первичных процессов в фантазии, воображении поставила перед исследователями новые вопросы. Так, оказался необъяснимым факт снижения количества "пищевых ответов" после суточного голодания, то есть голодные испытуемые, первоначально проецировавшие свою потребность (раннее

опознание стимула как пищевого, приписывание ему пищевых характеристик), позднее делали это все реже и реже, несмотря на то, что потребность оставалась неудовлетворенной (см. выше об аутистической проекции). Получалось так, что происходит не только активизация первичных процессов. Активно включаются и выходят на первый план вторичные, когнитивные процессы, которые и обеспечивают своеобразную задержку непосредственного удовлетворения потребности, актуализируя прежде всего защитные механизмы личности. Но это объяснение будет сделано позднее, а пока вернемся к первым исследованиям, обосновывающим проективный подход.

Гештальтпсихология в теоретическом обосновании проективных методик исходит прежде всего из того, что проективный стимул - "обратимая" фигура, допускающая множество толкований. Согласно положениям этой психологической школы, при интерпретации стимула аутохтонные факторы определяют границы влияния факторов интрапсихических. Если аутохтонные параметры значительно выражены, то личностные будут оказывать лишь незначительное влияние на формирование образов. В то же время слабоструктурированные, неопределенные стимулы будут способствовать максимальному проявлению личностных особенностей в восприятии. Тем не менее, особенности перцептивной организации, несмотря на слабоструктурированный материал стимула, оказывают вполне определенное влияние на ответы испытуемого. Гештальтпринципы перцептивной организации могут быть представлены в виде следующих пяти законов:

1. *Закон удовлетворительного продолжения.* Происходящее в акте восприятия структурирование стимула

-19-

устраняет его аморфность. Испытуемый, стремясь согласовать форму стимула с формой хорошо знакомого предмета, может, например, как бы "сглаживать" стимул, отбрасывая мелкие детали.

2. *Закон подобия.* Сходные стимулы вызывают перцептивные процессы, приводящие к объединению или группировке их (стимулов) в акте восприятия.

3. *Закон целостности.* "Неполные" стимулы порождают перцептивные процессы, побуждающие к созданию целого. Так, например, происходит образование единого образа при восприятии роршаховских стимулов, имеющих разрывы в контуре.

4. *Закон близости.* Формирование образов происходит между близкими друг к другу структурными компонентами проективного стимула. Этот принцип, в сочетании с принципом симметрии, позволяет выделить в стимулах методики Роршаха главные детали. Подтверждением этих двух законов являются трудности в создании ответов, охватывающих все изображение, в том случае, когда оно состоит из множества разорванных деталей.

5. *Закон симметрии.* Симметричные компоненты проективного стимула облегчают перцептивную группировку.

Считается, что перечисленные законы восприятия приложимы ко всякого рода стимулам, хотя и рассматривались в основном применительно к методике Роршаха. Однако есть основания полагать, что относительное влияние этих законов зависимо от структурированности стимула и нуждается в дальнейшем изучении.

А теперь вернемся к тем исследованиям, в которых был найден ответ на вопрос о том, почему только первичными процессами нельзя объяснить эффект проекции даже элементарных потребностей. Речь пойдет об одном из направлений американской психологии, получившем название "Новый взгляд". Это направление переосмысливает традиционную психологическую проблему восприятия. Источником активности восприятия является личность. Исходя из этого, формулируется и исследовательская задача - изучить взаимосвязь, существующую между динамикой личности и динамикой восприятия. Дж.Брунер, один из наиболее известных представителей "Нового взгляда", прямо говорит о том, что теория личности никогда не будет завершенной без развитой

теории восприятия. Аналогично, нельзя объяснить всю совокупность феноменов восприятия, не найдя места для личностных факторов в его теории.

В исследованиях Дж.Брунера, его учеников и сотрудников предлагается различать два вида детерминант восприятия: аутохтонные и поведенческие. Первые присущи перцептивной организации индивида, отражают электрохимические свойства рецепторов и нервной ткани. Поведенческие детерминанты находятся вне формальных границ сенсорики, они включают мотивацию, свойства личности и т.д. Полагается, что видимое индивидом, актуально существующее в восприятии, является своего рода компромиссом между тем, что определяется аутохтонными процессами, и тем, что отбирается процессами поведенческими. Из сказанного следует, что ограничение влияния аутохтонных факторов посредством создания, например, слабоструктурированных стимулов, облегчает проявление поведенческих или экстрасенсорных.

Впоследствии Дж.Брунер вводит механизм, опосредующий влияние личностных факторов на восприятие, так как в противном случае восприятие становится непосредственным выражением личностных особенностей. Таковым становится своеобразное когнитивное образование или "гипотеза", понятие, близкое "установке", "познавательному предрасположению". Процесс восприятия состоит из трех этапов:

1. Восприятие начинается с некоторого ожидания или гипотезы (готовность к восприятию).

2. Прием информации из среды.

3. Процесс проверки или подтверждения (информация либо подтверждает гипотезу, либо оказывается ей не соответствующей).

Важнейшей характеристикой "гипотезы" является ее сила. Чем сильнее "гипотеза", тем выше вероятность ее возникновения в ситуации и тем меньше количество соответствующей информации, необходимой для ее подтверждения. Тем самым и больший объем не соответствующей этой "гипотезе" информации необходим для ее опровержения. Сила "гипотез" зависима в основном от пяти факторов: частоты подтверждения в прошлом, количества альтернативных гипотез, познавательного подкрепления, мотивационных и социальных факторов. Таким образом, связующими звеньями теории восприятия с теорий личности являются различия в характере и силе "гипотез", используемых различными индивидами. Эти различия и отражают личностные особенности.

Исследования, проводимые "Новым взглядом", позволили обнаружить и некоторые частные проективные феномены личностного происхождения. Оказалось, что восприятие эмоционально значимого материала, являющегося социально запретным (например, демонстрация порнографии, слов-ругательств) в условиях затрудненности его опознания (например, расфо-

-21-

кусировка изображения) может подвергаться весьма значительным изменениям. Так был обнаружен феномен, названный перцептивной защитой. Он выражается в том, что запретные или неблагоприятные стимулы опознаются (сравнительно с нейтральными) хуже, подвергаются искажениям, в то же время наблюдалось обратное перцептивной защите явление - более раннее опознание отрицательных аффектогенных стимулов. Для объяснения этого явления Дж.Брунер считает возможным говорить о трех механизмах селективного восприятия:

1. Механизм резонанса - стимулы, соответствующие потребностям, ценностям личности воспринимаются точнее и быстрее, нежели им не соответствующие.

2. Механизм защиты - стимулы, несущие потенциально угрожающую "Я" информацию, узнаются хуже, подвергаются большему искажению.

3. Механизм сенсильности - стимулы, угрожающие целостности индивидуума, могущие привести к расстройству психического функционирования, узнаются ранее всех

прочих.

Экспериментальные данные показали, что существуют индивидуально-личностные различия в реагировании на аффективно насыщенные стимулы. У лиц с высоким уровнем тревожности, ригидностью мышления, избегающих эмоционально насыщенных ситуаций, "забывающих" события, связанные с собственными неудачами, чаще всего и обнаруживается перцептивная защита. Те же, кто не уклоняется от угрожающих ситуаций, кто инициативен во взаимодействии с социальным окружением, люди, понимающие и принимающие себя такими, какие они есть, раньше других опознают "опасные" стимулы, включая механизм сенсильности. Проявлению этих перцептивных феноменов в проективных методиках было посвящено немало исследований. Их критическую оценку мы сделаем позднее, рассматривая один из наиболее дискуссионных вопросов - возможность проникновения в бессознательное с помощью проективного подхода.

"Новый взгляд" также внес ясность в решение вопроса о диагностике потребностей проективными методиками. Была раскрыта связь между содержанием потребности, ее интенсивностью и проективным выражением. Потребности, которые не несут угрозы "Я", но не находят по тем или иным причинам удовлетворения, могут непосредственно или аутистически проявляться, проецироваться (об аутистической проекции см. выше). Иначе обстоит дело с блокируемыми, скрытыми от "Я" потребностями. В этом случае невозможна их непосредственная проекция, так как они опосредуются защитными механизмами. Наконец, потребность прямо проецируется до тех пор, пока усиление ее интенсивности не "запустит" защитные механизмы, чрезвычайно сильная потребность, даже и будучи противоречащей требованиям "Я", может привести к личностному дисфункционированию.

В 50-е годы для обоснования проективных методик привлекаются исследования, которые разрабатываются во многом в русле психоаналитического учения о механизмах контроля, а также представления об "Эго-функциях", свободных от конфликта. Так, Д.Рапапорт полагал, что развитие "Я" связано, во-первых, с прогрессирующей эмансипацией когнитивных функций от примитивных аффективных структур личности, во-вторых, с дифференциацией самих аффективных структур, их автономизацией от базальных влечений. Вследствие этого устраняется искажающее влияние разного рода побуждений на познавательные процессы, преобразующиеся в "функции "Эго", свободные от конфликта". Также появляются более совершенные механизмы их регуляции, одним из которых и является контроль. Контроль опосредует отношения субъекта со средой путем учета как объективных свойств стимуляции, так и потребностей личности. В отличие от защитных механизмов, контроль действует в любых ситуациях. Контроль - индивидуальный подход к разрешению аффективно нейтральной задачи.

Изучение механизмов контроля, а позднее и более широкого образования - когнитивного стиля, способствовало сосредоточению внимания исследователей на детерминированности проективной продукции индивидуальной стратегией познания субъекта. Ответ испытуемого на стимулы проективных методик начинает пониматься как итог сложной познавательной деятельности, в которой слиты воедино когнитивные и аффективные особенности личности.

Интересны и подходы к пониманию и теоретическому осмыслению механизмов, реализующихся в проективных методиках, сложившиеся в советской психологии. При этом нужно помнить о том, что для немногочисленных советских исследователей, вынужденных преодолевать недоверие официальной науки к проективным методикам, "запятнанным" близостью к психоанализу, естественно стремление в их теоретическом обосновании использовать наделенные у нас едва ли не магическим объяснительным потенциалом понятия установки и деятельности.

Основоположник психологической школы установки Д.Н.Узнадзе в свое время писал о том, что восприятие возможно только после формирования соответствующей

этому восприятию установки. Восприятие является продуктом реализации созданной установки. Из этого и исходят при объясне-

-23-

нии механизма проекции. Получается, что при интерпретации специфичного для проективного подхода слабоструктурного стимула возникает установка восприятия, обладающая определенной структурой. Эта установка, по мнению В.Г.Норакидзе, может вступать в связь с прошлым опытом человека, закрепившимися ранее нереализованными установками, и, таким образом, в процессе структурирования стимулов и присвоения им определенного значения могут проявиться особенности структуры личности, природа ее мотивов.

Иная позиция в обосновании проективного подхода представлена последователями теории деятельности. Обоснование опирается на понятие "личностного смысла", который создает, как пишет А.Н.Леонтьев, "пристрастность человеческого сознания". Е.Т.Соколова, отталкиваясь в своих работах от личностного смысла как объяснительного понятия, считает, что смыслом обладает не только действие, но и обстоятельства, условия, в которых совершается действие. Она выделяет два различных смысла условий деятельности: смысл благоприятствования совершению действия и смысл препятствия.

Наибольший интерес, полагает Е.Т.Соколова, представляют те смыслы, которые обнаруживают т.н. преградный характер обстоятельств. Ситуации препятствий, преград ведут к прерыванию действия. Действие оказывается незавершенным. Ставшие хрестоматийными эксперименты Б.В.Зейгарник показывают, что незавершенные действия и сопутствующие им обстоятельства запоминаются лучше завершенных, а если прямое завершение невозможно, то человек начинает совершать замещающие действия (при сформированной тенденции к их завершению). Исходя из этого, ситуация проективного исследования рассматривается как создающая условия для проявления замещающего действия. В соответствии с предположением Е.Т.Соколовой, личностные особенности, диагностируемые с помощью проективных методик, могут быть адекватно поняты в терминах личностных смыслов и соответствующей деятельности субъекта, направленной на их поиск или сокрытие. Правда, далее следует оговорка о том, что речь идет прежде всего об интерпретационных методиках.

Поскольку ситуации проективного эксперимента рассматриваются как создающие условия для проявления замещающих действий, из продукции, полученной с помощью проективных методик, "вычерпывается" личностный смысл целей и обстоятельств действий, а прежде всего тех обстоятельств, которые имеют для человека преградный, конфликтный смысл. Сложность своей позиции автор этой гипотезы видит в том, что необходимо от утверждения о проявлении личностных смыслов преградных обстоятельств в проективных методиках перейти к разработке критериев, позволяющих обнаружить их в конкретной продукции испытуемого. Как видим, в данном случае спецификой проективного подхода полагается его направленность на выявление прежде всего субъективно-конфликтных отношений. Такая позиция весьма сужает ту сферу проявлений личности, которая затрагивается при проективном подходе.

Основополагающим принципом для объяснения и анализа феномена проецирования, на наш взгляд, является представление об активности процесса восприятия, его личностном характере. Из разработанного в психологии понимания процесса восприятия как одной из форм активности личности, включенной в контекст общей психической и практической активности, вытекает и понимание данного процесса как сложноструктурного, необходимо включающего изменения установок, тенденций, мотиваций. В любом перцептивном действии выступает личностное отношение человека, отражается вся многообразная жизнь личности.

Воздействие внешнего объекта, как писал С.Л.Рубинштейн, опосредуется

обусловленной им деятельностью субъекта, а выражением так понятой закономерной обусловленности образа является его характеристика как субъективного. Именно в силу опосредования через внутренние условия, сформированные в зависимости от предшествующих внешних воздействий, и становится возможным введение в образ внешнего мира (проецирование) определенных элементов "Я", установок, тенденций личности. Иными словами, процесс актуализации ассоциаций, представлений не является оторванным от строения и особенностей личности, а связан с "внутренними условиями".

Проекция, обусловленная активностью восприятия, - не механический процесс наложения субъективного на внешний объект, не проекция в собственном значении слова, а фактор, принимающий непосредственное участие в формировании образов действительности. Использование неоднозначной стимуляции при отсутствии строго определенной мотивации деятельности (основной принцип проективного подхода) позволяет изучать влияние несенсорных, личностных факторов.

При уменьшении влияния структуры стимула процесс восприятия разворачивается как сложная аналитико-синтетическая деятельность. Выделение существенных признаков, их сопоставление и создание в итоге этого гипотезы, - вся эта сложная деятельность, направленная на разрешение задачи -снятие неопределенности, - пронизана личностным смыслом.

Стремление к разрешению неопределенности - это общая и фундаментальная характеристика психического функционирования. Увеличение неопределенности (в известных пределах) побуждает субъекта к активизации деятельности, актуализации

-25-

прошлого опыта. С преодолением неопределенности мы сталкиваемся практически в любых видах жизнедеятельности. Направленность на снятие неопределенности характеризует поведение субъекта как на биологическом, так и на психологическом и социальном уровнях. Снятие неопределенности может происходить как целенаправленный процесс, порой на первый план могут выдвигаться эмоциональные реакции. Конкретные и многообразные формы реагирования, зависимы от личностных особенностей субъекта. Из всех возможных решений ситуации мы выбираем то, которое есть в нашем опыте, закреплено через действие или переживание, и, таким образом, проецируем присущий нам и никому более способ подхода и разрешения ситуации.

Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что проективные методики следует рассматривать как приемы опосредованного изучения личности, основывающиеся на построении специфической, пластичной (слабоструктурной) стимульной ситуации, стремление к разрешению которой способствует актуализации в восприятии тенденций, установок, отношений и других: личностных особенностей.

Завершая обзор основных работ, задачей которых является теоретическое обоснование проективного подхода, отметим, что сегодня особую актуальность приобретает изучение многообразных форм репрезентации личностного в условиях снятия неопределенности, придания смысла слабоструктурированным стимулам. Уникальный материал, получаемый исследователем при работе с проективными методиками, многослоен и позволяет, что невозможно при работе с традиционными психометрическими тестами, выбрать разные уровни анализа - от так называемого объективного, ограничивающегося, скажем, указанием на количество увиденных деталей изображения, до не всегда поддающихся объективации гипотез, связанных с неосознаваемыми и непризнаваемыми индивидом побуждениями. Кое-что о диагностике последних мы узнаем из следующего раздела, который не следует рассматривать в отрыве от того, что уже известно о теоретическом обосновании проективных методик.

4. Бессознательное и проективные методики

В этом разделе мы остановимся, пожалуй, на наиболее дискуссионной проблеме, проблеме горячо обсуждаемой на протяжении всей истории проективной техники. Это - отношение проективных методик к бессознательному психическому.

Можно ли проникнуть в бессознательное психическое, используя проективные методики? Занимаясь поиском ответа на этот вопрос, вспомним для начала классическое определение проекции, заглянув, например, в "Энциклопедию психоанализа": "Проекция - это защитный механизм, используемый бессознательной сферой "Я", посредством которого внутренние импульсы и чувства, неприемлемые в целом для личности, приписываются внешнему объекту и тогда проникают в сознание, как измененное восприятие внешнего мира. "

Механически перенося разработанное в психоанализе понимание проекции на сущность процесса, реализующегося в проективных методиках, можно считать их одним из способов проникновения в бессознательное. Такой перенос психоаналитического истолкования проекции на проективные методики лежит у истоков прочно укоренившегося в умах многих психологов мнения о том, что одной из важнейших особенностей проективного подхода является его направленность на обнаружение бессознательных особенностей, черт личности. Это мнение определяло отношение к проективному подходу в советской психологии, всячески избегавшей изучения неосознаваемых форм психической активности по причине "идеологической несостоятельности" фрейдовского учения. Критика проективных методик чаще всего скользила по поверхности, наивно ассоциируя их с психоанализом. Дальнейшие, более широкие трактовки явления проекции и сопутствующие им исследования зачастую оставались незамеченными и мало сказались на сложившихся представлениях.

Сказанное относится не только к работам советских психологов. За рубежом и сегодня, даже в трудах известных психологов, проективные методики рассматриваются как направленные на изучение бессознательного. Этому в немалой степени способствовало и то, что многие клиницисты на Западе, обучавшиеся работе с проективными методиками в 40-е и 50-е годы, были воспитаны в традиции поклонения психоанализу и широко использовали его для интерпретации результатов своих исследований. В действительности же, как пишет Дж.Экснер, лишь единичные проективные методики разрабатывались в опоре на психоанализ.

Линдсей (1961, с.45) пишет о том, что это "инструмент, полагаемый наиболее чувствительным для обнаружения скрытых или бессознательных аспектов поведения". А.Анастаси рассматривает проективные методики как наиболее эффективные процедуры для обнаружения скрытых, завуалированных или неосознаваемых сторон личности. (Здесь уместно напомнить читателю о том, что понятиям "бессознательное" и "неосознанное" придается разный смысл в различных психологиче-

-27-

ских учениях. К сожалению, авторы упомянутых определений проективных методик не пишут о том, имеется ли в виду фрейдовское бессознательное или нечто иное.)

Проективные методики, таким образом, выступают в роли "приемов объективации бессознательного". Так ли это?

Предлагаемый испытуемому стимул, несмотря на всю его неопределенность, носит объективный характер ("пятно", сюжет и т.п.), обладает определенными особенностями, включаемыми, как мы уже знаем, субъектом в созданный образ или ситуацию. Например, при интерпретации таблицы V методики Роршаха (по форме изображение напоминает летучую мышь с развернутыми крыльями) большинство психически здоровых обследуемых сравнительно легко устанавливает сходство изображения с имеющимся в опыте образом летучей мыши. Подобные интерпретации в известной степени обезличены и являются в основном показателями реалистичности восприятия, в них нет проекции.

Следовательно, нельзя полагать, что процесс структурирования стимула

обнаруживает исключительно неосознаваемое. Напротив, уменьшение влияния структуры (до известного предела) приводит к более развернутому поиску соответствия - процессу активному, сознательному. В этом сложном процессе, несомненно, реализуются и ранее сформированные психологические установки, представляющие как бы свернутые, а поэтому и неосознаваемые программы организации поведения, создающие готовность к восприятию явлений и объектов действительности в известном ракурсе, отношении существенного и несущественного. Например, преимущественное выделение части или целого предложенного стимула, его формы или цвета и т.д.

Проекция в таком понимании - это проекция организации поведения на определенном уровне, который можно назвать "молярным" и предположить, что при этом как процесс проекции, так и установки, в нем проявляющиеся, находятся вне сферы осознаваемого.

Рассмотренный нами случай проекции может быть отнесен лишь к разработанной Роршахом и близким к ней проективным методикам. Этот процесс принято определять как структурная проекция, и ее следует отличать от проекции тематической, или аффективной, которую можем наблюдать в ТАТ и производных от нее методиках (проекция на человеческие стимулы). В центре внимания исследователя, работающего, например, с ТАТ, находятся не элементарные структурные

Неопределенность стимула, являясь важнейшим признаком проективного подхода, должна находиться в определенных границах, устанавливаемых, как правило, эмпирически. Выход за эти границы делает стимул бессмысленным.

компоненты личности, а прежде всего содержательные характеристики. Можно ли в подобных случаях говорить о проявлении неосознаваемых психологических установок?

Раскрытие "Я" при тематической проекции происходит путем надления особенностями собственного поведения, чертами характера действующих лиц рассказа, созданного по картине ТАТ. Однако мы имеем дело уже с иным, нежели ранее, уровнем организации поведения. На первый план выступает собственно содержательный аспект проекции (это находит свое отражение и в том, что мы определяем: в первом случае - как переживает субъект, во втором - что переживает).

Имеющиеся исследования все более убеждают в том, что при тематической проекции субъект приписывает (если это происходит) осознаваемые им черты и особенности. На этом, назовем его "молекулярным", уровне проекции, очевидно, речь может идти только о неосознанности процесса проекции. Таким образом, в проективных методиках обнаруживаются два типа проекции: структурная и тематическая. Структурная проекция связывается нами с преимущественной объективацией неосознаваемых установок. В случае тематической проекции в основном актуализируются осознаваемые индивидом элементы его поведения или те, которые не рефлексированы в данный момент, но могут быть осознаны. Вне осознания находится только процесс проекции.

Например, настойчиво повторяющаяся в рассказах по изображениям ТАТ тема жизненных неудач позволяет предположить их у данного лица, но не дает права сказать, что эти неудачи не осознаются. Что же касается роли неосознаваемых установок в этом процессе, то, очевидно, мы можем проследить их влияние скорее на уровне формирования образа, нежели раскрытия его содержания.

В связи с обсуждаемым возникает еще один сложный, дискуссионный вопрос. Возможно ли обнаружение защитных механизмов с помощью проективного подхода? Вспомним, что в психоанализе проекция выступает в качестве механизма защиты, используемого бессознательной сферой "Я".

Ясно, что представлять себе продукцию, полученную с помощью проективных методик, как исключительно отражение конфликта между "Я" и бессознательным -

заблуждение. В проективных методиках, как мы и стремились показать это ранее, процесс проекции отличен от его психоаналитического истолкования. Однако отвлечемся на некоторое время от проективных методик и поставим вопрос более широко. Располагаем ли мы сегодня экспериментальными подтверждениями защитного характера проекции?

Проделанный уже упоминавшимся нами ранее Д.Холмсом детальный анализ тех исследований, в которых демонстриру-

-29-

ется защитный характер проекции, позволил ему сделать вполне обоснованное заключение о том, что нет сколь-нибудь убедительных доказательств этого явления. Те работы, которые обычно рассматриваются в качестве подтверждающих защитную функцию проекции, методически несостоятельны. Основной их порок - *отсутствие доказательств того, что обследуемые, обладая некоторой негативной чертой, не осознают ее наличия*. Подчеркивается, что та или иная "черта" личности навязывается в эксперименте, а, точнее, навязывается состояние. Анализируя защитную функцию атрибутивной проекции, Д.Холмс также приходит к мнению о том, что исследования, подтверждающие этот феномен, малоубедительны (исследования, в которых стремятся показать стресс-соослабляющую функцию атрибутивной проекции). Однако допускается реальность защитной функции проекции по отношению к побуждениям, импульсам, с трудом поддающимся сознательной коррекции (а не чертам, свойствам личности!), то есть речь идет о побуждениях относительно низкого структурно-генетического уровня. Мы предполагаем, что именно на этом уровне было сформулировано психоанализом положение о проекции как защитном механизме, в дальнейшем перенесенное на уровень черт, свойств личности. Исходя из сказанного, следует интерпретировать и вышеупомянутые исследования Дж.Халперна (см. раздел 1) как подтверждающие защитный характер проекции на уровне побуждений.

Вероятно, следует согласиться с Д.Холмсом в том, что защитный эффект проекции может быть специфичен для определенных типов личности. Социально-психологические исследования показывают, что тенденция приписывать собственные качества или состояния другим людям наиболее выражена у лиц, отличающихся малой самокритичностью и слабым проникновением в собственную личность. Экспериментально подтверждается, что лица (нормальные), использующие проекцию в защитных целях, особенно часто и активно прибегают к сравнению с социальными стандартами при самооценке, и в первую очередь это относится к отрицательным чертам личности. Защитный механизм проекции объясняется в таком случае как искажение процесса социального сравнения. Приписывая отрицательную черту другим на основе сравнения, можно минимизировать или отрицать ее у себя.

Наконец, находит подтверждение и известное клиническое наблюдение, свидетельствующее о том, что больные параноидной шизофренией склонны к защите посредством проекции. В работах последнего времени уточняется, что этот защитный механизм наиболее свойственен реактивным больным и почти не наблюдается в случае непрерывной формы течения заболевания.

Вывод Д.Холмса о недоказуемости защитной функции проекции относительно черт, особенностей личности вызывает возражения со стороны его оппонентов. Дискуссия по этой проблеме между Д.Холмсом и Г.Шервудом на страницах "Психологического бюллетеня" (Psychological Bulletin) в 80-е годы - одна из немногих и заслуживает внимания. Г.Шервуд, реинтерпретируя исследования, ранее анализировавшиеся Д.Холмсом, считает их вполне удовлетворительными методически и подтверждающими защитную функцию проекции. Такое прочтение результатов одних и тех же работ стало возможным потому, что эти ученые вкладывают различное содержание в понятие классической проекции.

Д.Холмс отталкивается от ортодоксального психоанализа в понимании

предпосылок механизма проекции (обладание негативной чертой при отсутствии ее осознания). В этом случае, действительно, экспериментально нужно доказать: а) наличие черты; б) ее неосознанность. Убедительно сделать это пока никому не удавалось. Исходя из этого, ряд исследователей, а в их числе и Г.Шервуд, отказываются от введения параметра осознанности в динамику процесса проекции.

Г.Шервуд предлагает заменить его параметром "признание" с полярными характеристиками: самоприписывание - отрицание. Соответственно, в случае классической проекции имеет место отрицание негативной черты, а при атрибутивной - самоприписывание (см.рис. 1).

Г.Шервуд считает классическую и атрибутивную проекцию взаимодополняющими механизмами, которые действуют на противоположных полюсах двух параллельных и дихотомических измерений: а) признание (с полярными: самоприписывание - отрицание); б) человек-мишень (с полярными: положительно - отрицательно оцениваемым лицом). Он выдвигает предположение о том, что атрибутивная проекция связана со способностью оценивать и усваивать отрицательную информацию о собственной личности и является нормальным процессом, необязательно служащим защите "Я". Классическая проекция - это, если так можно сказать, более "патологический" процесс, ибо свидетельствует о неспособности согласиться с отрицательной информацией о себе.

Таким образом, заключает Г.Шервуд, выводы Д.Холмса о недоказанности феномена защитной функции проекции будут справедливы в том случае, если предположить бессознательность механизма этого явления. Отказ от понятия бессознательного

Г.Шервуд, который стремится доказать защитную функцию атрибутивной проекции, естественно, обсуждает те случаи, когда проецируются осознаваемые негативные черты, свойства. Однако атрибутивная проекция, как видно из раздела 2.1, не ограничивается лишь осознанием и проецированием исключительно негативного.

-31-

в объяснении механизма проекции весьма показателен и является следствием разочарования, которое постигло исследователей, пытавшихся объективировать его в эксперименте.

Результаты этих работ, конечно, нельзя непосредственно перенести на процесс проекции, осуществляющийся в проективных методиках. Наиболее важным в упомянутых здесь исследованиях является то, что теоретическое звено, которое, казалось бы, прочно сковывало защитные механизмы с бессознательным, не выдержало испытания временем на прочность.

Понимая, вслед за Ф.В.Бассиным (1971) психологическую защиту в качестве механизма нормального и широко обнаруживаемого не только в случае конфликта между сознанием и "бессознательным", но и при столкновении вполне осознаваемых аффективно насыщенных установок, мы считаем, что проективный подход к исследованию личности создает благоприятные условия для проявления защитных механизмов "Я". Тем не менее, рассмотрение проекции исключительно в качестве защитного механизма по отношению к проективным методикам заводит нас в методический тупик. Тогда как понимание проекции как личностного компонента восприятия дает возможность изучения тех приемов, способов защиты "Я", к которым прибегает индивидуум.

В проективных методиках защитные механизмы, как мы полагаем, могут актуализироваться на двух уровнях, которые можно обозначить как "перцептивный" и "содержательный". Уровень перцептивной защиты описан в многочисленных исследованиях "Нового взгляда" (см. об этом в разделе, посвященном теоретическому обоснованию проективного подхода). Напомним, что суть этого явления состоит в разного рода искажениях, которым подвергаются стимулы, рассматриваемые по тем или иным

причинам в качестве неблагоприятных, опасных. Иногда это невозможность вербализации стимула ("утрата языка") или его игнорирование.

В качестве примера сошлемся на одно из наших наблюдений. Испытуемая, легко интерпретируя первые шесть таблиц методики Роршаха, неожиданно, после продолжительной паузы, отказывается дать ответ на седьмую таблицу. Отказ от интерпретации этой таблицы наблюдался и на этапе опроса ("Абсолютно ни на что не похоже"). Углубленный анамнез позволил установить, что обследуемая в последнее время испытывает некоторые проблемы, связанные с интимной жизнью, а признать себя их источником она не желает. Включение защитного механизма в виде категорического отказа от интерпретации было спровоцировано одной из деталей изображения, сходной по виду с *organa genitalia femina*.

При обследовании с помощью теста тематической апперцепции (ТАТ) различные случаи "неузнавания", искажения стимула могут быть показателями перцептивной защиты. Однако далеко не все перцептивные отклонения объясняются действием защитных механизмов. Тенденция к тому, чтобы не "видеть" угрожающее или нежелательное, не является общей особенностью людей. В связи с этим интересны данные Н.А. Аминова, предположившего, что индивидуальные различия в функциональной асимметрии полушарий головного мозга выступают в качестве фактора, предопределяющего характер когнитивной стратегии индивида по отношению к раздражителям, оцениваемым как угрожающие. Оказалось, что у лиц с менее выраженным уровнем активированности левого полушария более часто наблюдается эффект по типу перцептивной защиты. Наконец, нужно учитывать и специфичность проявления перцептивной защиты в разных видах проективных методик.

Содержательный уровень актуализации защитных механизмов можем проследить на примере ТАТ и близких к ней проективных методик. Однако и на этом уровне невозможно без дополнительного углубленного исследования, руководствуясь лишь внешними признаками, говорить об обнаружении защищаемых "Я" зон. Наделение персонажей, окружающих "героя" рассказа по ТАТ, отождествляемого рассказчиком с самим собой, негативными личностными особенностями вовсе не означает нежелание нашего испытуемого признать их у себя. Такого рода сюжетные линии рассказов позволяют лишь предположить действие защитных механизмов, и эти предположения нуждаются в проверке.

Примером недостаточно корректных рекомендаций по обнаружению защитных механизмов может служить хорошо известная в психодиагностике работа Д.Рапапорта с соавторами, Для обнаружения защитных механизмов в вербальной продукции, полученной с помощью ТАТ, этими американскими психологами предлагается анализ так называемых формальных характеристик построения рассказа. Эти характеристики выделяются путем сопоставления полученного рассказа с задачами, определенными для испытуемого инструкцией, и объективным значением картин ТАТ. Приводятся случаи формального следования инструкции при отсутствии развития сюжета (с целью защиты от появления тягостных эмоций, которых, возможно, не удастся избежать при создании более разработанного варианта рассказа), детального описания картины, когда, как пишут эти исследователи, каждый ее фрагмент используется для обеспечения ухода от нежелательных эмоций, мыслей, воспоминаний.

-33-

Нетрудно увидеть, что здесь мы имеем дело с чрезмерно широким истолкованием механизма защиты, растворением его в приспособительной деятельности. "Механизм создания рассказа по картине становится всегда механизмом защиты так же, как и в жизни человек склонен выбирать защитную позицию, организовывать свою жизнь, выбирать место в мире... руководствуясь индивидуально различными границами возможных и невозможных для него действий" (D. Rapaport, p.415).

Диагностика механизмов защиты с помощью проективных методик не может осуществляться только на основе имеющихся в многочисленной зарубежной литературе формальных показателей защиты. Они должны быть интерпретированы на основе нашего знания личности, ее углубленного психологического изучения.

5. Проективные методики или объективные тесты?

В начале 40-х годов "проективное движение" набирает значительную силу. Проективные методики становятся самыми популярными в клинично-психологических исследованиях личности. Разрабатываются новые методики, число их быстро растет. В различных обзорах, целью которых было установление того, насколько часто используются эти методики, неизменно отмечается их лидирующее положение.

Но, параллельно, с этого времени начинаются ожесточенные, горячие споры о месте проективных методик среди других инструментов исследования личности, споры, продолжающиеся и сегодня. По мнению известного специалиста по тесту Роршаха Дж.Экснера (1986), печальным следствием этих дискуссий явилось образование пропасти между психологами, занимающимися изучением личности, что отразилось в укоренившемся за рубежом делении психодиагностических методик на объективные и проективные.

В соответствии с такой классификацией объективные методики считаются созданными на основе фундаментальных принципов измерения, неоднократно апробированных в психологии; они стандартизованы, высоко надежны и валидны. Проективные методики объявляются теми, в которых едва ли не полностью игнорируются принципы измерения, а полученные с их помощью данные подвергаются субъективной, зависимой от личных предпочтений исследователя, интерпретации.

Такого рода представления о проективных и объективных методиках тенденциозны и упрощены. Укажем на то, что любая стимульная ситуация, которая не структурирована в расчете на однозначную, специфичную реакцию, может вызвать проективный процесс. Это используется даже при интерпретации тестов интеллекта - классического образца объективных психометрических методик. В пользу сказанного говорит и сопоставление обычно противопоставляемых личностных опросников и проективных методик. Реакция на вопросы, как верно пишет Ф.Б. Березин (1985), определяется субъективностью суждения испытуемого, усиливающейся неопределенностью формулировок, наличием неизбежных, зачастую неосознаваемых искажений в выборе ответов, в том числе обусловленных защитными механизмами. Неопределенность ситуаций может сохраняться и в том случае, когда возрастает роль смыслового содержания материала, предъявляемого испытуемому, и ограничивается способ реагирования.

Многие из проективных методик предусматривают не только качественную, но и количественную оценку полученных результатов. Основательная психометрическая проработка сближает их с объективными тестами (к такого рода методикам можно отнести те, в которых предлагают завершить неоконченные предложения, некоторые варианты ТАТ и др.). Вспомним, что и методика Роршаха не была задумана как проективная и не разрабатывалась в этом аспекте почти два десятка лет своего практического применения. Отнесение методики к проективным вовсе не означает, и это подтверждается ходом исследований, отказа от ее психометрической разработки. Наконец, проективные методики не исключают объективной оценки полученных с их помощью результатов. Более того, объективное оценивание полагается, вслед за Р. Кэттеллом, рядом исследователей единственно возможным путем, на котором можно избежать зыбких субъективных интерпретаций.

Примером объективной оценки может служить исследование, в котором протоколы подвергались содержательному анализу, а затем количественно выражалось отсутствие

(присутствие) тех или иных особенностей. Так, если некий испытуемый интерпретировал таблицу V теста Роршаха как "череп", то он получал 1 балл, как и все те, кто дали такой же ответ. Все остальные получали по этому параметру 0 баллов. Разумеется, возможен, а иногда и достаточен такой "объективный" путь анализа результатов проективных методик. Однако если идти этим путем, наверное, нет вообще необходимости использовать проективные методики, так как большая часть богатства уникальной продукции обследуемого остается невостребованной исследователем, раз и навсегда испугавшимся собственных мыслей в силу их субъективности.

Наверное, не будет преувеличением, если мы скажем о том, что споры о "соотношении" проективного и психометрического,

-35-

применительно к разным проективным методикам, сопровождают их с момента появления. Очередная дискуссия состоялась на страницах "Журнала личностной оценки" (Journal of Personality Assessment) в 1995 году и касалась методики Роршаха. Несколько слов об этой дискуссии, многие из вопросов которой имеют методологическое значение, относятся если не ко всем, то к большинству проективных техник.

Начало дискуссии было положено статьей Е.Аронова и К.Мореленда. Они считают, что многообразие схем интерпретации данных, полученных с помощью методики Роршаха, располагается на двух осях-подходах: "номотетический -идиографический" (раскрытие общих закономерностей или уникального) и "содержательный - перцептивный" (как или что воспринимает испытуемый). Соответственно, интерпретационные схемы будут описываться как перцептивно-номотетические, содержательно-номотетические и содержа-тельно-идиографические (перцептивно-идиографические никогда не разрабатывались). Полагается, что содержательно-идиографические схемы интерпретации как раз и согласуются с традиционной точкой зрения на методику Роршаха как проективную. В то же время разрабатываются и два других типа интерпретационных схем. Именно развитие перцептивно-номотетических схем интерпретации, апогеем которых является «Comprehensive System» Дж.Экснера, делает, по мнению этих исследователей, методику Роршаха объективным тестом. Действительно, в «Comprehensive System» делается упор на количественный анализ, и даже содержательный аспект интерпретаций обследуемых лишается проективного потенциала. Такой "психометрический фокус" (Л.Филипс, 1992), проделанный с методикой Роршаха, ее "американизация" негативно воспринимается многими, в первую очередь европейскими, исследователями. Е.Аронов и К.Мореленд придерживаются мнения, что методика Роршаха может быть как проективной методикой, так и психометрическим тестом, но не в равной мере. Наиболее перспективны контент-идиографические схемы интерпретации, а объективация резко снижает диагностическую мощь этой методики.

Вполне понятно, что рассуждения Е.Аронова и К.Мореленда не могли остаться без внимания психологов, и старый спор между "объективистами" и "проективистами" был продолжен. Так, Б.Рицлер возражает против превосходства содержательно-идиографических схем интерпретации данных, подчеркивая их ненадежность для клинического использования. По его мнению методика Роршаха не является исключительно проективной, а недооценка эмпирически обоснованных количественных показателей ведет к неудовлетворительным диагностическим заключениям. М.Асклайн высказывает мысль о том, что центральный вопрос, затрагиваемый дискуссией, не может быть разрешен однозначно, "или-или". Он полагает, что мощь методики Роршаха состоит как раз в поддерживаемом ею "напряженном противоречии" между содержательно-идиографическими и перцептивно-номотетическими схемами интерпретации. При этом М. Асклайн ссылается на уже имеющие место интегративные схемы интерпретации, за которыми ему видится будущее. Как видно, вновь и вновь исследователи склонны

занимать полярные позиции, на пути столь необходимой для всех интеграции пока лишь сделаны первые робкие шаги.

У нас при рассмотрении традиционных тестов и проективных методик попытались взглянуть на них с точки зрения существования двух парадигм психологического описания личности: 1) давней парадигмы черт, при которой целью исследования является описание личности, как она воспринималась бы идеальным наблюдателем; и 2) воспроизведение точки зрения самого действующего субъекта. В соответствии с этим А.М.Эткинд подразделяет методики на "субъектные" (традиционные психометрические), моделирующие то, как "видят" человека другие люди, и "объектные" - стремящиеся раскрыть то, как он видит окружающий мир (прежде всего проективные).

Тем самым мы покидаем пространство "или-или" с его вечными спорами о преимуществах тех или иных методик и переходим в другое, допускающее существование тех и других. Системный принцип множественности описаний разрешает сосуществование подходов, полагаемых в качестве альтернативных. Важна мысль и о том, что системный подход должен идти дальше простого признания равноправности этих описаний личности в психодиагностике. "Необходимым является их соотнесение с определенными классами задач, выявление условий и границ их валидности, уяснение логики перехода от одного описания к другому, что в конечном счете должно привести к объяснению его рассогласования и тем самым - к их согласованию на некотором метауровне" (А.М. Эткинд 1982, С.296).

Резюмируя, отметим, что для оценки многих проективных методик, не являющихся тестами в строгом смысле этого слова, мало подходят обычные психометрические критерии. А. Анастаси верно предлагает ставить вопрос о ценности проективных методик, рассматривая их как качественные клинические процедуры, а не как психометрические инструменты. Впрочем, сказанное не должно исключать психометрическую разработку проективных методик, "наведение мостов" между ними и теми, которые иногда определяются как "объективные".

-37-

Данные, полученные с помощью проективных методик, не должны быть приняты как окончательные (это относится и к психометрическим тестам!), они помогают найти пути дальнейшего исследования, проникнуть в трудно объективируемые личностные особенности, ускользающие при традиционной организации эксперимента и не поддающиеся адекватной количественной оценке.

6. О разработке проективных методик

Английский психолог П.Клайн в одной из своих книг пишет о том, что задача, решаемая при создании проективной методики, весьма проста. Для этого нужно найти стимул, релевантный тому аспекту личности, который желают исследовать. Он иллюстрирует свою мысль разработкой проективной методики для измерения оральности, которая была названа "Вампир-тест". Целью этого теста полагается выяснение того, насколько связаны с оральностью оральные черты личности. Установление этой связи подтвердило бы известное психоаналитическое положение. П.Клайн выбирает в качестве стимулов три изображения:

(1) Женщина, кормящая грудью ребенка. Здесь изображена основная оральная ситуация. Молодая женщина кормит своего ребенка. Отчетливо видны ее налитые молоком груди. Ее голова слегка склонена, выражая нежность (см. рис.2.);

(2) Существо, похожее на волка, вонзило клыки в шею своей жертвы. Этот рисунок был специально подобран, чтобы изобразить жестокость орального садизма: укусы до смерти, как это, по предположению, должно быть представлено в бессознательном. Изображение волка было выбрано потому, что оно отражает базовую оральную

свирепость (см. рис.3);

(3) Вампироподобное существо пьет кровь своей жертвы. Мотив с вампиром выбран потому, что была выдвинута гипотеза, в соответствии с которой привлекательность рассказов и легенд о вампирах, с литературной точки зрения представляющихся банальными и скучными, состоит в замещении ими проявлений орального садизма, (см. рис.4).

Что же вышло в итоге? Не получено доказательств того, что лица, демонстрирующие оральность по этому тесту, отличаются

В психоанализе полагается, что на первой фазе психосексуального развития (1-й год жизни) господствующей эрогенной зоной является оральная (ротовая) и формируются оральные черты характера, которые призваны защищать от орального эротизма - инфантильного удовлетворения от процесса кусания или сосания. Фиксация на этой стадии (в силу нарушений в нормальном сексуальном развитии) ведет к множественным защитным реакциям-проявлениям орального характера в зрелом возрасте.

от других испытуемых по тому же показателю, измеренному другими тестами. Неудача П.Клайна не случайна, и дело здесь не только в определенной зыбкости теоретических представлений, положенных в основу создаваемого теста. И не в том, что П.Клайн - сторонник так называемого объективного подхода к интерпретации полученных данных, о котором мы вели речь ранее. Проективные методики, как никакие другие, способствуют проявлению разнообразия индивидуальных реакций. Поэтому к ним наиболее применимо известное положение о том, что хороший тест - это старый тест. Для снижения размерности множественных реакций - ответов, стимулируемых проективной методикой, и оценки их личностного содержания необходимы значительные исследования, длящиеся нередко десятилетиями. Поэтому-то так редки разработки новых проективных методик и столь живучи созданные много лет назад. Следует признать, что на нынешнем уровне развития теории и практики психодиагностики создание новых проективных методик (за исключением достаточно узко ориентированных и близких им методик типа "неоконченных рассказов" и т.п.) не может оправдать тех усилий, которые необходимо приложить для решения этой задачи.

7. Что обсуждалось на XIV Конгрессе по тесту Роршаха и проективным методикам (Португалия, Лиссабон, 18-22 июля 1993 г.)?

Одним из свидетельств популярности проективных методик, особенно теста Роршаха, в среде клинических психологов, представителей других областей психологии являются Всемирные конгрессы, посвященные теории и практике работы с ними.

На последнем Лиссабонском конгрессе были продолжены поиски теоретических обоснований для используемой на практике уже более 70 лет методики Роршаха. Об этом говорил в открывающей конгресс лекции известный исследователь из США И.Вейнер. Он утверждал, что поиск единой теории, связывающей особенности интерпретации стимулов с личностными характеристиками, - это поиск несуществующего, поскольку методика Роршаха, по словам И.Вейнера, не является сама по себе тестом личности; это методика генерирования данных. А вот уже эти данные, как и любые фрагменты человеческого

-39-

поведения, могут быть интерпретированы с разных теоретических позиций. Все, что необходимо знать, - это почему методика Роршаха или любой другой проективный тест генерируют информативные данные. И.Вейнер видит тому две причины: во-первых, методика Роршаха создает ситуацию принятия решения, в которой люди ведут себя так же, как и в подобных ситуациях в жизни, проявляя свой личностный стиль; во-вторых, методика создает ассоциативную ситуацию, в которой люди склонны приписывать

личностные характеристики тому, что они воспринимают, проявляя таким образом свои склонности и убеждения.

И. Вейнер рассматривает два общепризнанных в США подхода к интерпретации методики Роршаха: как средство измерения особенностей когнитивного структурирования (включая процессы внимания, восприятия, памяти, [принятия решений и логического анализа) и как мера тематического воображения (вовлекающего процессы ассоциации, проекции и символизации), трактуемого на основе психоаналитической теории эго-функционирования. И. Вейнер настоятельно подчеркивает, что методика Роршаха не является ни перцептивным, ни психоаналитическим, ни каким-либо иным тестом; она не нуждается в теориях, поскольку говорит сама за себя; а любые попытки доказать превосходство той или иной теории будут бесплодны. Намечены линии интеграции используемых систем интерпретации, в рамках которых реакции на "пятна" Роршаха рассматриваются и как процессы перцептивной организации, и как ассоциативные процессы, выявляющие скрытую динамику личности (Д. Рапапорт и др., 1946/1968; Дж. Экснер, И. Вейнер, 1982).

На Конгрессе состоялся круглый стол по обсуждению существующих подходов к анализу данных, получаемых при помощи теста Роршаха. Речь велась о преимуществах и специфичности различных систем формализации, оценивания и интерпретации данных методики Роршаха (хотя и отмечалась сложность проведения сравнения и взаимного дополнения таких систем ввиду их терминологического и понятийного несоответствия).

Наиболее распространенной за рубежом на данный момент считается система, предложенная Дж. Экснером (1974) и получившая название "исчерпывающей, всеобъемлющей", несмотря на то, что первоначально она была разработана в рамках перцептивно-когнитивного подхода. Позже Дж. Экснер расширил интерпретационные основания своей системы, признав, что двигательных реакции, индивидуальные формы ответов и другие личностные особенности восприятия несут в себе информацию, которая выходит за рамки характеристики самих пятен как стимулов и выявляет проецируемые характеристики индивидуальности. Интерпретативные стратегии "Исчерпывающей системы" ныне дополнены: а) систематической идентификацией реакций, содержащих в себе проецируемые элементы, и б) использованием тематического содержания этих ответов для генерирования гипотез, касающихся аспектов самовосприятия и межличностной ориентации испытуемого (Дж. Экснер, 1993). Ф. Эрдберг (США) проиллюстрировал, насколько удачно система Экснера вписывается в психодинамическую теорию.

Значительное место в обсуждении занимал вопрос формирования испытуемыми образов и их описания. В центре внимания был процесс формирования психических образов (Л. Коэло, Бразилия; О. Хюзейн, Канада). Образы, с позиции Л. Коэло, являются репрезентацией скрытых эмоциональных процессов, основанных на знании испытуемого об окружающем мире. Испытуемый не только конструирует образы, но также и вербализует то, что он конструирует; бразильские исследователи, предлагая методику Роршаха как парадигму для изучения психических процессов, использовали семантический и структурный анализ высказываний испытуемого при тестировании. В соответствии с этим О. Хюзейн остановилась на лингвистических аспектах. Она считает, что вербализация испытуемым своих реакций является для нас единственным способом доступа к содержанию того, что индивидуум видит в таблицах Роршаха. Эта вербализация может и не быть адекватной заменой внутренних переживаний индивидуума. То, что сообщает испытуемый, зависит от его личностных характеристик и того, как индивидуум воспринимает тест. По мнению Б. Смита, тщательный анализ специфических слов и фраз, употребляемых испытуемым, может выявить (подобно тому, как это происходит в процессе психоанализа) содержание бессознательного, которое не просматривается явно в самих ответах. Б. Смит предложил некоторые стратегии для анализа языка протоколов

методики Роршаха.

П.Лернер (США) уделит внимание экспериментальному (основанному на индивидуальном опыте) аспекту методики Роршаха, согласно которому феноменологические переживания пациента считаются жизненно важным аспектом процедуры исследования. Подразумевается эмпатическая "настройка" экспериментатора на все поведение испытуемого при тестировании и последующее использование этой настройки для понимания и реконструирования значений этого поведения в терминах непрерывных переживаний пациента. Чувствительность теста к тончайшим нюансам и влиянию отношений пациента и исследователя в диагностической ситуации позволяет экспериментатору не только минимизировать проблемы, очерченные О.Хьюзеин, но также наиболее ярко проявить потенциальное

-41-

влияние и диагностическое значение отношений "пациент-исследователь", Знание этого аспекта методики Роршаха дает экспериментатору ключ к более полному проникновению (эмпатии) в целостное переживание пациента.

Э.Аронов (США), считая существующие способы количественной оценки данных по тесту Роршаха несовершенными и непродуктивными, рассматривает методику Роршаха как средство получения идиографических данных для исследования уникальных аспектов индивидуальности обследуемого. Он предложил использовать таблицы Роршаха в качестве стимулов для свободных ассоциаций, что существенно расширяет теоретические и практические аспекты этой методики. Такое предложение вызвало много вопросов. Например, зачем для инициации процесса свободных ассоциаций использовать чернильные пятна, если для этого существует много других средств? Или, что еще важнее, не испортит ли и не осквернит это проверенное временем использование таблиц Роршаха.

На Конгрессе обсуждались итоги ряда кросс-культурных исследований. Были сообщены результаты работ по сравнению нормативных данных методики Роршаха в различных европейских странах (Голландия, Швеция, Португалия и др.) с нормативными данными на американской выборке, полученными по системе Дж.Экснера. В целом, ретестовая надежность в ряде случаев была несколько ниже, чем на американской выборке. Сходные результаты напомнили о том, что, как и свидетельствуют многолетние исследования, тест Роршаха измеряет базовые личностные характеристики и не подвержен значительному влиянию культуры. С другой стороны, полученные различия говорят, что на некоторые переменные (особенно на те, которые связаны с конвенциональной перцепцией) оказывают влияние социо-культурные особенности.

Отдельный круглый стол был проведен и специалистами по психоаналитической интерпретации данных проективных методик и теста Роршаха. Подчеркивалось, что особое развитие в качестве обоснования для интерпретации теста Роршаха получила сейчас теория объектных отношений; немалую роль играет и психодинамический подход.

Подробно рассматривались вопросы контент-интерпретации, выявляющей особенности понимания испытуемым себя и других. П.Лернер (США) предложил схему измерения "Я" и рассмотрел, в рамках предложенной схемы, отличие репрезентации "Я" от репрезентации объекта. Оценка "Я" может быть получена по трем аспектам: его структуре, функциям и содержанию. Образ "Я", "Я"-концепция и репрезентация "Я" не эквивалентны собственно понятию "Я", скорее, они относятся только к содержанию "Я". Измерения структуры и функций "Я" при помощи методики Роршаха основано на комбинации формальных показателей, контент-анализа, аспектов отношений "пациент-исследователь" и спонтанных вербализаций пациента. При оценке содержания "Я" следует опираться на контекст, получаемый здесь путем понимания структуры "Я". По отношению к содержанию отчетов по тесту Роршаха для дифференциации репрезентаций "Я" и объекта полезным измерением является "активность-пассивность". М.Серни (США) рассказала об исследовании при помощи проективных методик особенностей восприятия

"Я" при посттравматических расстройствах. Большой интерес специалистов из многих стран вызвало обсуждение исследований по применению проективных методик для дифференциации нормы и патологии (психоза, депрессии и др.), а также пограничных расстройств.

Были представлены доклады по исследованию специфики психосоматических нарушений при помощи методики Роршаха, поиску зависимости личностных особенностей от специфики психосоматических заболеваний.

Отдельный симпозиум был посвящен проблематике феминности - применению методики Роршаха, ТАТ и др. к исследованиям как в норме (особенностей психического функционирования и женской сексуальности), так и в патологии: ранние сексуальные нарушения у девочек; склонность к психогенным гинекологическим заболеваниям у женщин 18-35 лет; булимия и др. нарушения питания. Не меньшее внимание было уделено и проблемам подросткового периода. Специфика восприятия и использования времени подростками, самоидентичность и символическое выражение мужского и женского у подростков - эти и многие другие аспекты исследовались при помощи проективных методик.

Специалисты по судебной психологии обсуждали: применение проективных методик для измерения личностных особенностей подсудимых и степень риска агрессивности; проблему разработки практического стандарта для использования в суде свидетельских показаний экспертов, основанных на анализе данных, генерированных по методике Роршаха; применение проективных методик в целях психокоррекции; сложности психологической экспертизы в делах со смертным приговором; вопросы психологической подготовки адвокатов, чтобы суд "понимал" их (напр., Б.Смит (США) считает, что на первый взгляд случайные и странные приговоры являются основанными на конфликтующем множестве идентификаций членов суда и присяжных как с защищаемым подсудимым, так и с жертвой).

Разнообразие областей применения проективных методик, участие в конгрессе специалистов со всех континентов, накал теоретических споров говорят о живом интересе к этой сложной,

-43-

давно существующей, но тем не менее ставящей все новые вопросы области психодиагностики, о перспективах ее развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение проективного подхода к диагностике личности является важным этапом в развитии психодиагностики, поскольку появляются методики, которые качественно отличны от традиционных. Нашедшие в 20-30 годы широкое распространение в психологических исследованиях тесты не смогли оправдать тех больших надежд, которые на них возлагались. "Проективная психология" зародилась и развивается как своеобразная реакция протеста против бихевиоризма и локальной, узкой психометрической ориентации, за которыми невозможно было увидеть и познать личность как целостное явление.

Предыстория проективной диагностики, с одной стороны, теряется в глубине времен, с другой - складывается из многочисленных психологических исследований, ставящих задачу выявления субъективно-уникального в личности.

Понятие проекции, впервые появившись как психологическое в психоанализе, поначалу используется для обозначения одного из защитных механизмов "Я", благодаря которому все патогенное, угрожающее целостности личности, а поэтому вытесненное в бессознательное, приписывается внешним объектам, а тем самым лишается разрушительной силы. Впоследствии, как в рамках психоанализа, так и за его пределами,

понятие проекции получает разные истолкования. Однако психоаналитическое понимание проекции в сознании многих исследователей у нас и за рубежом прочно связывается с проективными методиками. И это несмотря на то, что первое описание процесса проекции в экспериментальной ситуации интерпретации картин-стимулов, как и выдвинутая позднее проективная гипотеза, не имеют никакого отношения к психоанализу. (Первой проективной методикой следует считать разработанный Г.Мюрреем тест тематической апперцепции.) Существуют многочисленные классификации проективных методик, традиционно занимающих первое место в ряду тех, которые используются для диагностики личностных особенностей в клинической психологии.

Важнейшей отличительной особенностью проективных методик является то, что в них используют неопределенные или т.н. слабоструктурированные стимулы, создающие наиболее оптимальные условия для проявления внутреннего мира человека. Исследования, обращенные к анализу роли стимула в проективной технике, показывают, что ошибочно полагать каждую реакцию обследуемого личностно обусловленной, поскольку объективные параметры стимулов принимают непосредственное участие в формировании ответов.

Теоретические воззрения разных психологических школ, от психоанализа и гештальтпсихологии до эго-психологии, используются при обосновании проективного подхода, объяснении психологических механизмов проявлений личностного в процессе интерпретации стимулов. Не умаляя значения этих теорий, в самом общем виде следует считать, что механизм проецирования базируется, во-первых, на активности, личностности процесса восприятия, во-вторых, на характерном для психического уровня отражения стремлении индивидуума к снятию» разрешению неопределенности.

Определяя нечто неоднозначное, неизвестное, индивид делает его известным путем активного соотнесения с имеющимся уникальным личностным опытом взаимодействия с предметами и явлениями действительности, опытом понимания как собственных поступков, так и действий других людей. Сказанное отражено в предлагаемом определении проективных методик.

Обсуждение вопросов, относящихся к возможности изучения бессознательных психических явлений с помощью проективной техники, позволяет сделать заключение об ошибочности распространенного мнения о якобы особой чувствительности этих тестов к неосознаваемым личностным особенностям. В проективных методиках реализуются два типа проекции - структурная и тематическая. Первая связана с преимущественной объективацией неосознаваемых установок - элементарных программ организации поведения, обеспечивающих готовность к восприятию явлений в определенном ракурсе, отношении. Тематическая проекция связана с приписыванием осознаваемых обследуемым собственных черт, особенностей личности другим людям.

Крайне осторожно следует подходить к описанным во многих публикациях множественным "показателям" защитных механизмов личности, якобы диагностируемым при применении проективных методик. В большинстве своем эти "показатели" защиты, обнаруженные при обследовании некоторых, чаще всего клинических групп, либо могут быть интерпретированы иначе, либо их значение в качестве защитных ограничено специфичностью изучаемой выборки.

В давнем споре между сторонниками проективных методик и приверженцами "объективной" диагностики нет и не может быть победителей. Необходимо признать сосуществование разных описаний личности, долгое время полагавшихся альтернативными. Более того, их согласование на некотором метауровне

может оказаться весьма продуктивным в деле изучения личности. В то же время ныне вряд ли может быть признана целесообразность разработки новых проективных методик (за исключением узконаправленных), поскольку не обходимы длительные и

дорогостоящие исследования их валидности и надежности.

История международных конгрессов по тесту Роршаха и проективным методикам - ярчайшее свидетельство неувядающего, более того, усиливающегося интереса к проективным методикам как к одним из важнейших психологических инструментов познания личности.